

Что опаснее для России? Либерализм или большевизм?

Предисловие

Живу во Франции, француз, но женат на русской, и, возможно, поэтому на протяжении уже нескольких лет постоянно интересуюсь новостями из России. Хотя у меня есть некоторое представление о том, что происходит в вашей стране: я общаюсь с россиянами, как во Франции, так и в России, я, конечно, не претендую на анализ российской ситуации. Я просто хотел бы познакомить россиян с изменениями, произошедшими у нас с момента создания Европейского союза. Моей целью является прояснить факты либо малоизвестные россиянам, либо основательно искажённые. Действительно, многие люди приписывают наше прошлое процветание, которому мы обязаны относительным сегодняшним комфортом, нашим настоящим политическим и социальным реалиям, которые, на самом деле, в настоящее время ведут нас к упадку. От всего сердца, я хочу уверить вас в том, что не нужно следовать по нашим стопам. Это не принесёт вам ничего хорошего, независимо от того «за» вы или «против» действующего правительства, и каковы причины этого. Часто я замечаю, что западная пресса, ищет проблемы там, где их нет, не колеблясь, искажает реальность, выпячивая незначимые события, с целью продемонстрировать всему миру российскую власть в образе безжалостной диктатуры. Несомненно, идеологическая информационная война является частью современного мира, и, очевидно, что либеральная идеология без границ, господствующая наши дни, оказывает сильное воздействие на часть российского народа, склонную к наивному идеализму. Вот почему, я решил поделиться с вами моим опытом, рассказать, как я вижу и воспринимаю влияние современного идеологического либерализма и неолиберализма.

О себе могу сказать, что я француз, верующий, представитель среднего класса, счастлив в профессиональной и семейной жизни, но, тем не менее, замечаю, что происходит вокруг меня и, возможно, немного дальше. Не исключаю, что через несколько лет я постараюсь переехать жить в Россию, но вовсе не с целью разбогатеть, как делают «игроки» глобализации. Также, вы можете убедиться, что я касаюсь не только политических, но и религиозных вопросов, а это необыкновенная смелость для француза. На Западе, чтобы к вам прислушивались, читали и принимали всерьёз, вы должны высказывать свои соображения, как бы забыв о Боге, даже, если вы верующий человек. Не следует упоминать ни о вере, ни о религии, приводить примеры или выдвигать аргументы, основанные на ваших религиозных убеждениях. Тем не менее, я решил попытаться счастья у русскоязычного читателя, потому благодарю вас за внимание и приступаю...

Что значит быть либералом?

Что значит «либерал»? В недавней истории Европы этот политический термин неоднократно менял значения, как на Западе, так и на Востоке. Сегодня на первый взгляд, кажется, что это слово имеет исключительно политическое значение. Но это не вполне так. До революции в России, «либеральный» означало дух «просвещения» пришедший с Запада, таким образом, смысл был весьма пространен. Позже в Советском союзе «быть либералом» значило не быть слишком крайним сторонником коммунистической доктрины. Это значение было временным. В Западной Европе в то же самое время, слово либерализм носило исключительно экономический смысл. Для описания общественного сознания, вдохновлённого соответствующими учениями, использовалось слово «прогрессист», но именно прогрессисты отрицали либеральную (хотя не такую уж и либеральную) экономику эпохи, в то время чаще ассоциирующуюся с консервативной идеологией. Таким образом, тридцать лет назад слово «либеральный» применялось к абсолютно разным понятиям, но всё же каждое из них, хотя и в разной манере, но было антонимом социализму: на Западе исключительно в смысле экономическом, а в СССР в смысле противодействия жесткой и нерушимой доктрине. Оба этих значения слова «либеральный» сегодня уже ушли в прошлое. Сегодня оно частично вернулось к первоначальным смыслам и фактически вышло за политико-экономические рамки.

Русское значение современного понятия

В современном русском языке слово «либерализм» имеет несколько значений и вызывает у россиян столь же сильную настороженность, как и его противоположность - «коммунизм». Действительно, сильное недоверие к коммунистическим идеалам сохраняется. Даже после десятка лет капиталистической анархии самого дикого типа, общественное мнение настроено против коммунистов: процент, полученный КПРФ на выборах, не превышает достижений французской коммунистической партии 70-х. В то время как, россияне утверждают, что оппозиция недостаточно широко представлена на выборах, а это должно было бы провоцировать «протестное» голосование. Сегодня в России появилась новая тенденция, и хорошо, если я ошибаюсь. Она заключается в возникновении некоего современного либерализма, не имеющего ничего общего с диким капитализмом 90-х и вдохновленного господствующими на Западе этическими критериями. Она утверждает себя, как успешный метод развития общества, так как выступает оппозицией ко всем прежним коммунистическим установкам. Это не вполне так. Для начала, эти две доктрины противоположны не на всех уровнях (что мы рассмотрим позже), а также, и это принципиально важно, их базовые отличия, как экономические, так и идеологические, вовсе не означают, что либерализм хорош. В любом случае, у меня всё больше и больше создаётся впечатление, что в России называть себя либералом означает указывать на приверженность неолиберальной экономики и иметь образ мыслей, так называемый, «прогрессистский», который также стыдливо именуют «либеральным духом».

Универсализация смысла слова «либеральный»

Как я уже заметил выше, в России либерализмом называют одновременно и модель экономического развития и этическую концепцию, так называемую «толерантность». Основываясь на французском опыте последних 30 лет, я постараюсь, как могу, отсоветовать эту идеологию, так как именно она последние годы упорно ведёт нас к краху, либо утешить вас, если вы считаете, что Россия развивается по отличному от Запада пути и огорчены этим. Проблемы, о которых я говорю, не ограничиваются экономическими сложностями (совершенно реальными, хотя часто неверно понимаемыми), и несут серьёзную угрозу самому существованию западноевропейских народов. Особенно это заметно во Франции, где слово «либеральный» в настоящее время вполне могло бы употребляться в обоих смыслах, но оно ещё не заняло своё место в политическом дискурсе, так как в лексиконе левых партий (либеральных и нет) слово это, по причинам, описанным выше, сохраняет связь с экономической моделью классических правых. В риторике левых партий, на деле, совершенно либеральных, а часто даже неолиберальных (вариант всемирного и безграничного либерализма в экономике) либеральный подход скрывается за старым словом «прогрессист». И это слово тоже стало двусмысленным, амбивалентным, но создаёт впечатление продолжения традиций недавно пришедшей к власти Французской социалистической партии. Но на деле, все языковые тонкости ничего более не выражают, так как неназванный ультралиберализм стал неотъемлемой частью программы, как французских левых (если они не троцкисты, конечно), так и классических правых.

В целом, за пределами политико-экономических отношений, разница правые-левые утрачивает реальность, сохраняя значимость только для стариков, не решающихся ознакомиться с новыми идеями традиционных партий. Они слушают фальшиво звучащие, от отсутствия внутреннего смысла и практически ритуальные речи. Это - правда, что у нас нет правящей партии, зато есть единственная правящая доктрина, навязанная нам не силовыми методами, но вследствие воспитания в нас некой зависимости. Далее мы рассмотрим подробнее эту псевдо-этическую, выходящую за рамки политики и экономики, универсальную однородность, которая уже не приносит ни блага, ни выгоды, ни материальной, ни социальной.

Экономическая ситуация, только одна сторона проблемы.

Бесчестность сегодняшних французских левых проявляется в утверждении: «мировая либеральная экономика + социальная помощь государства» экономически возможны. А также в уверениях, что государственные долги могут подождать хоть целую вечность, они не имеют значения. Лицемерие правых проявляется в убедительных для их избирателей заявлениях, что они являются патриотами, протекционистами и традиционалистами, хотя на самом деле, они выражают интересы акционерных компаний и прочих хищников-глобалистов всех мастей. В других статьях, я уже касался темы упрямого желания западных держав осуществлять свободную без каких либо ограничений торговлю. Соперничество с нещадно эксплуатируемыми на другом конце света рабочими, видимость поддержки местной экономики и безумные траты на пособия астрономического числа безработных – вот признаки этой политики. Это продолжается на фоне бесконечного увеличения государственного долга, обеспечивающего работу коммунальных служб и государственного медицинского страхования, постоянно урезающего затраты на лечение больных. Заметим также, что эти займы берутся государствами под проценты значительно выше тех, под которые Центральный европейский банк предоставляет их же банкам-кредиторам европейских государств.

Хотя экономическая сторона дела не является основной темой данной статьи, всё же скажу ещё пару слов, чтобы показать, каким образом слияние двух смыслов слова «либеральный», так как вы его используете, осуществляется в настоящее время. Загадка успеха ультралиберальной экономики, достигшей современного уровня, заключается в некой переходной фазе, предшествующей неминуемой экономической катастрофе. Эта фаза – операция по оболыщению неолиберальной, глобальной, преодолевшей все государственные барьеры экономикой – заняла примерно пятнадцать лет, когда западные европейцы извлекали преимущества из своей сильной валюты, покупая, либо путешествуя. Они впали в неолиберальную эйфорию от отсутствия границ во всех смыслах этого слова, ставшего символом полной свободы, одновременно реальной и вымышленной, не думая, что за этим последует массовое закрытие предприятий, а наименее квалифицированные рабочие первые почувствуют на себе негативные результаты. Даже сегодня мы без конца слышим о проблеме «покупательной способности», к ней мы ещё вернёмся, но не о невозможности найти работу ближе, чем двух часах дороги от дома (при плачевном состоянии общественного транспорта) или доступное жильё возле работы. Единственная причина снижения уровня жизни наиболее низкооплачиваемых работников (тем которым не повезло, и они не являются вечно бастующими государственными служащими) заключается именно в этом. «Покупательная способность», якобы, должна непрерывно повышаться, вместе с постоянным, обещанным чуть позже, никто не знает когда, экономическим ростом. Она позволит нам неограниченно покупать и выкидывать разные безделицы, возможно и вообще не работая... для либералов это не имеет значения...

Как это, несомненно, отметили россияне бывающие на Западе, рыночная экономика, прежде существующая в Европе под контролем государств, создала наше уже отходящее в прошлое процветание. Неолиберализм к этому благу никакого отношения не имеет! Да, всегда были экономические проблемы, случались «кризисы» о которых нам так часто напоминают, а также французское государство тратило не по средствам, но всё же я считаю, хотя это и не понравится пропагандистам неолиберализма, что никогда прежде ситуация не была столь тревожна. Прежде, когда наш экономический рост был невысоким, это означало только, что в большем росте, мы и не нуждались.

Нельзя повернуть вспять – первый догмат либерализма в широком смысле слова.

Экономический аспект проблемы, так как я его здесь представил, хороший повод вернуться к обобщающей идее современного либерального духа. Сегодня мы понимаем, что ничего, абсолютно ничего не обещает улучшения экономической ситуации, если мы будем продолжать придерживаться пути отказа от национального суверенитета, политики неолиберализма. Тем не менее, большинство французов не имеют смелости признаться, что желали бы повернуть вспять. Хотя в обычной жизни, заметив, что идём не в ту сторону, мы возвращаемся назад без колебаний, в политике это практически невозможно. В политике желание повернуть вспять присуще только старым трусам и реакционерам, практически экстремистам, но не «людям прогресса». Это кажется нелепым, но, тем не менее... Сколько раз слышал я от бывшего президента Николя Саркози восклицание: « Мы сделали выбор, мы не можем повернуть вспять!». А почему собственно? Сколько раз я слышал аргументы левых политиков, при обсуждении даже малозначимых законов, что законы, имеющие хотя бы некую совместимость с традиционной моралью (не говоря уже о христианской нравственности) неприемлемы, так как принятие их означало бы «возвращение вспять». И этого аргумента бывало достаточно! Хотя, результаты первого тура последних президентских выборов показывают, что от 20 до 30% французов хотели бы «повернуть вспять», предвыборные опросы этого не выявляли. Похоже, граждане просто не решались признаться в подобном выборе. Выражение « мы не можем повернуть вспять» у 30% процентов

французов провоцирует стойкое отторжение, и у меня в том числе. Возможно нас больше, чем видно на первый взгляд. Возможно, что часть избирателей не решились голосовать за слишком малоизвестные и маргинальные партии и всё же сделали традиционный выбор. Так в политике мы наблюдаем феномен «прогрессомании», пользующийся поддержкой большинства, жаждущего немедленного и «краткосрочного» комфорта. Но он просто ничтожен рядом со своим идеологическим и псевдоэтническим эквивалентом. Необходимость «прогресса» в виде линейной однонаправленной системы развития, отражающейся в истории технологического развития (хотя на практике не такого уж однонаправленного), общепризнанна и даже не может подвергаться сомнению. В начале шкалы прогресса находится человек в диком своём состоянии, вроде как в аду. В точке прибытия расположен земной рай созданный человеком своими силами и умениями. Между этими двумя точками не может быть остановок: мы либо движемся вперёд, либо назад. Несложно понять, что нужно двигаться вперёд, чтобы не происходило. В этом россияне могут узнать старую коммунистическую идеологию, но под новым соусом и по улучшенному рецепту на базе западной капиталистической экономики. Рецепты различаются в деталях в зависимости степени либеральности шеф-повара. Можно назвать себя «социал-демократом», воображая, что социал-демократия прекрасно согласуется с мировым неолиберализмом. Именно этой всеобщей утопией поражены западные европейцы, мечтающие об эксперименте по построению земного рая, от которого почему-то несёт адским зловонием. Можно быть неолибералом без комплексов, безжалостным борцом за материальное и социальное благополучие, участником соревнования за место под солнцем, отношений, не имеющих ничего общего с получением честного вознаграждения за полезный труд. Лицемерие первого позволяет существенно расширить зону действия второго, а второй случай демонстрирует, что данная система взглядов не противоречит правам человека. Хотя между правами и возможностью их реализации всегда остаётся большое пространство для толкований. Ниже мы обсудим эти права.

Религия без Бога и без духовности

Оба понимания «либерализма» подразумевают основополагающую идею о человеке всемогущем и непогрешимом, способном различать добро и зло, опираясь на некую универсальную этику. Она была совсем недавно придумана обычными людьми, но нам всем нравится думать, что она существовала практически всегда. Мы поспешили забыть, что этика «просвещения» была создана и применена ничтожной частью населения земли. Но, тем не менее, мы признаём её непогрешимой, практически священной. Или, вернее, мы должны так думать, если не хотим сойти за экстремистов. Появился ли, таким образом, новый подвид марксизма? Не совсем так, хотя не будем спешить с выводами. Действительно, вне экономики идеологии советских и неолиберальных «прогрессистов» различаются. Но, по сути, только в одном. Прежняя советская идеология в жесткой манере заняла место религии, став практически официально новым безбожным культом. Новая либеральная идеология скрытно, но последовательно уничтожает всякие нравственные нормы, прямо или косвенно связанные с христианством, не прибегая к установлению единой государственной доктрины. Это было бы слишком грубо. Это новшество – некий универсальный закон, значимее любых государственных, который описывает взаимоотношения людей, будто бы основанные исключительно на праве. Идея, существующая уже несколько столетий, но недавно воспринятая и популяризированная либералами. Что ж это хорошо, скажут многие из вас. Права и обязанности каждого по отношению к ближнему взаимодополняемы и, таким образом, могут имплицитно определять друг друга. Тем не менее, если, доверяя, вы примените этот принцип на практике, вы легко обнаружите, что на деле все не так то просто и быстро приводит к многочисленным противоречиям. Бескомпромиссно следовать Всеобщей декларации прав человека невозможно. Впрочем, здравомыслящий человек

полагает, что права в его стране не ущемляются, если люди не преследуются и не терпят дурное отношение, или их поступки не оцениваются иначе, чем прочим в одинаковой с ними ситуации. И совершенно нормально, что по этому критерию мы судим, хорошо ли это государство. Но даже, в данном упрощённом и понятном описании, появляется критерий, неявно, но зависящий от наших религиозных взглядов (тех, которые издавна укоренились в обществе). С какого именно момента мы можем заявить, что с кем-то плохо обращаются? Например, в случае вынесения приговора за какое-то правонарушение. Представьте себе, что вы должны убедить все народы в необходимости данной унификации и ищите для этого бесспорные и общепринятые аргументы. Так вот, у вас ничего не получится. Вы возьмёте за отправную точку постулаты, кажущиеся вам очевидными, хотя другие сочтут их спорными. Без опоры на укоренившийся менталитет, вы никого не сможете убедить. В конце концов, вы схитрите, как это часто бывает, заявив, что ваш постулат верен, так как вы «более развиты». И в этот момент вы не выдержали испытания, так как ваша ссылка на идею мирового однонаправленного прогресса также спорна, как ссылка на законы шариата или заветы Ким Ир Сена. Таким образом, становится понятно, почему неверующие люди так привязаны к теории прогресса, ведь, по сути, им больше ничего не остаётся. Для них, если нет прогресса, то не на что надеяться. Это можем быть столь невыносимо, что те, кто отходит от идей прогрессистов и не находит других более надёжных, может поставить под вопрос человеческие качества одного народа или нескольких народов в целом, и начать предпринимать жестокие, опасные действия, становясь экстремистом. А с другой стороны, сам либерализм, без теории прогресса, может показаться невыносимым, так как слишком жесток. Получается, что теория постоянного необратимого прогресса не зря была придумана, и не важно, что ситуация может оказаться слишком опасной, когда уничтожив все конкурирующие ценности, выяснится, что она ошибочна. Пока она служит, как и было рассчитано, ликвидируя внутренние противоречия человека, подменяя собой христианское человеколюбие. Так при случае, мы, не смущаясь, судим человеческие отношения тех, которые где-то там ведут себя, как нам кажется, отвратительно, и успокаиваем себя тем, что наша «нейтральная» шкала оценки, в конце концов, распространится по всему миру, так как истинность её очевидна. Таким образом, вера в единый и универсальный прогресс, планируемый и приводимый в действие нами самими, а также декларация универсальных и всеобщих прав человека образуют росток либерализма в широком смысле слова. Затем достаточно побудить государства устроить законодательства так, чтобы они не тормозили либерализм, и людям уже кажется, что эта универсальная этика существует и она их ничуть не стесняет. В этом заключается принципиальное отличие от официально авторитарного коммунизма. Даже, когда либерализм забывает некоторые статьи, столь почитаемой Всеобщей декларацией прав человека, он же называет её своим руководством к действию. Этот универсальный эталон - благотворное понятие, легко заменяет все прежние утраченные.

В современном мире есть ещё одна возможность искоренения традиции и веры. Этот метод заключается в постоянно и непрерывно поощряемых занятиях вещами ничтожными. Действительно, почти всё население Западной Европы в последние годы жило в условиях способствующих процветанию. Жизнь без забот о хлебе насущном, выдвинула возможную «угрозу» осознанного возвращения к основным ценностям, что стало бы противоречием теории непрерывного и постоянного прогресса. Самодостаточное общество неинтересно неолиберальной элите, так как не даёт возможности раздувать дивиденды за счёт постоянного экономического роста. Проблема была разрешена без труда стимуляцией постоянной неудовлетворенности и непрерывного потребительского поиска во всех возможных формах. Психологи описывают этот феномен как потребление максимума благ, средств, людей, без каких-либо кроме ограничений, с тем, чтобы мы не скучали, и, естественно, потому, что у нас есть на это право. На практике осуществляются только те законодательные и моральные нормы, которые способствуют стабильности основной массы населения и ограничивают опасное в физическом плане поведение, но и это постоянно

соизмеряется с достигаемой выгодой. Очевидно, что влиятельные игроки неолитерализма ни во что не ставят права человека. И если, они не забывают на них ссылаться в пространных речах, то только с целью скрыть реальные интересы. Для этого годятся разные методы, в том числе поддержка опасных, ими же презираемых маргиналов.

Неолиберальные силы демонстрируют беспрецедентную толерантность по отношению к тем, кто официально противостоит их теории, при условии, если эти деятели могут «помочь» обществу утратить традиционные ценности, и, таким образом, приумножать зависимость от их установки. Прочие, достойные противники либерализма, изо всех сил и всеми возможными средствами, дискредитируются и «дьяволизуются».

Привлекательность либерализма для людей доброй воли. Откуда заблуждение?

Похоже, что для некоторых россиян «либеральная прогрессивная доктрина» кажется спасением от существующих проблем. Одни думают, что либерализм повысит уровень жизни народа, уничтожит коррупцию, сделает людей миролюбивее и счастливее. И даже, вот парадокс! Будет способствовать увеличению социальной защищённости и созданию рабочих мест! Наконец, для тех, кто осознаёт свои глубинные душевные побуждения, он поможет избежать влияний традиционных моральных и религиозных ценностей чересчур утомительных и противоречащих «прогрессу». На самом деле, происходящее сейчас на Западе показывает, как либерализм без ограничений способствует исчезновению рабочих мест, умножает коррупцию, увеличивает преступность и неуверенность, дезориентирует молодёжь (мы ещё поговорим об этом), что, непременно, закончится разорением государства. Умеренный наивный социализм столь ретиво принялся за это дело, что в настоящее время угроза нависла даже над необходимой социальной помощью. Стоит отметить, что умеренный социализм 80-х вначале воспринял только неэкономические идеи либерализма, возвращенные современным французским анархизмом: протестными студенческими идеями мая 68, продвигаемые жаждущими моральной эмансипации сыновьями буржуазии, игравшими в революционеров. Тогда они старались вписаться в протестное рабочее движение, идеи которого существенно отличались. Позже мягкий социализм 80-х сменился правым центризмом, который сохранил предыдущие «достижения» и продолжил движение к экономическому либерализму всё более и более безграничному, вплоть до неолитерализма. С начала 90-х всеобъемлющий неолитерализм процветает. С тех пор, прежде бросавшие камни революционеры разлива 68 стали утончёнными гедонистами изысканного неолитерализма и выражают искреннее презрение к рабочим, не понимающим экономической глобализации, теми самыми перед которыми прежде они выступали с пропагандой марксистских идей.

Чего стоит ожидать, вначале факты

Сегодня, когда либерализм во всех аспектах этого слова закрепил за собой прочные позиции, я хотел бы показать, как с моей точки зрения Франция «развилась» за последние десять-двадцать лет:

- Массовое закрытие производства спровоцировало рост уровня безработицы. 25% молодёжи по нескольку лет после завершения обучения ищет работу, часто любую, отказываясь от своих первоначальных планов и претензий. В этот период они не имеют никаких прав на социальные выплаты, те самые пособия, которые многие получают незаконно и незаслуженно. Старшее поколение непопадающие ни в одну из возрастных категорий обязательных к найму по установленной квоте, трепещет от страха перед возможным закрытием их предприятия. Целые кварталы безработных живут жизнью отдельной от общества.
- Под влиянием пропагандирующей безнаказанность идеи либеральной толерантности, вкупе с недавним сокращением полиции на местах, в контексте повсеместного безделья, вызванного безработицей, районы и целые города оказываются под негласной властью местных банд. Случаи физического нападения на людей удвоились с конца 80-х. Непонятно, что произойдёт, когда социальная помощь, так широко распространяемая сегодня, вдруг исчезнет. Некоторые смелые полицейские всё же проводят активные операции и арестовывают преступников, но последние вскоре выходят на свободу, чтобы цифры осуждённых не превышали установленные Amnesty International стандарты, а иначе права человека пострадают. «Добрая пропаганда» не забывает напоминать нам, что нужно лечить проблему в «источнике», а не использовать меры подавления. Ждем - не дождемся результатов этого «лечения». Тем временем, ситуация стабильно ухудшается. Интенсивная реклама потребления и невозможность интеграции в трудовое сообщество толкает обычных бездельников на путь бандитизма. «Социальная система нас отталкивает. Уничтожим её и всех тех, кто живёт по её правилам», - решают они.
- Национальные общины, практикующие ислам ваххабитского, суннитского или шиитского толков ненавидят либералов. Согласно их учениям наступит момент, когда неверные будут уничтожены. Тем не менее, под предлогом стимуляции экономического роста, при поддержке либерал-социалистов и неолибералов и вследствие широкой агитации, великое множество их приехало и осталось жить во Франции, рассчитывая на социальную помощь. Несбывшиеся надежды, уровень жизни ниже ожидаемого (подобное разочарование в жизни характерно и для большинства французов), и появляющееся вследствие этого недовольство направлено против местных жителей, месть под любым предлогом. Либералы, предполагающие перевоспитать их в законченных материалистов, прогадали. Единственное, в чём они преуспели: создание благоприятных условий для того, чтобы недовольные становились бандитами. Думаю, что этого они и сами не ожидали. Не думайте, что западные либералы являются исламофилами по убеждению. Просто они наивно полагали, что мусульмане откажутся от своей религии в ответ на предоставляемые материальные блага, как прежде это сделали христиане.
- Взаимное недоверие между французами и иностранцами с юга, проистекающее из этой ситуации вовлекает в ту же смуту и другие общины, возникшие во множестве. Французов обвиняют в создании «гетто». Я желал бы, чтобы политические деятели, произносящие подобное, отвечали за свои слова и приютили бы рядом с собой этих бунтовщиков: в своих шикарных кварталах, домах и квартирах. Сегодня по заведённому порядку они становятся соседями обычных французов, у которых жизнь и без этого сложна.

- В данных обстоятельствах, постоянно сокращаемый штат полицейских теряет мотивацию в работе, что ведёт к умножению прежде редких случаев коррупции. В настоящее время для проведения полицейских операций в беспокойных кварталах привлекают сотрудников из других городов с единственной целью избежать «договоренностей» между местными силами правопорядка и преступниками. Недавно разразилось несколько крупных скандалов о сутенёрстве, нецелевом использовании средств и оплаченном молчании с участием высокопоставленных лиц. Но ещё чаще случаи, когда обычный полицейский боится за жизнь свою и своей семьи и поэтому закрывает глаза на преступления. Такие города как Марсель стали зонами беззакония, где царит мафия, собирающая дань с предпринимателей и торговцев. Мы медленно, но верно движемся к ситуации знакомой вам по 90 гг, которая оставила много «следов» и в сегодняшней России. Современные российские либералы заявляют, что знают, как победить эти «пережитки». Однако мне кажется, что молодая либеральная поросль в силу возраста не помнит, этот период и предполагает, что именно правящий президент России создал и контролирует эти процессы. Это нелепо также как, когда люди моложе 70 лет заявляют, что период сталинизма был не так уж и плох.
- Тем временем, коррупция хорошо себя чувствует в политических кругах. Она существовала всегда, но никогда не разрасталась до такой степени. Некоторые из вас скажут, что уровень её ниже российского. Да, это так, но всё же стоит на это обратить внимание. Всё чаще и чаще случаи обсуждаются прессе. Прежде мы узнавали о тайном финансировании партий, либо взятках за получение государственных заказов. Сейчас происходят преступления посерьёзнее: необъяснимые самоубийства, нецелевое использование государственных средств, взятки за получение разрешений на продажу потенциально опасных продуктов или изделий, либо строительство в зонах риска, продажа по заниженной цене государственного достояние, изнасилование и затем давление на подчиненных с тем, чтобы воспрепятствовать возбуждению уголовных дел. Последний случай, возможно, известен читателю, так как он касается политического деятеля, который мог бы стать президентом Франции, если бы это его похождение и ещё более скандальные последующие, остались бы незамеченными. Доминик Стросс-Кан, один из апологетов мирового неолиберализма, выходец из французской политической партии, купавшийся в роскоши, прославляющий экономическую глобализацию, заявлявший о желании избавить бедных от социальной несправедливости, тем временем не забывал и старинное «право первой ночи». Он просчитался, и когда он не мог влиять на жертву было труднее замять дело... Недавно, для поддержания некоего достоинства, перед лицом мировых финансистов, во время конференции в Великобритании, он даже пытался представить произошедшее как заговор. Он заявил, что, если бы Николя Саркози не способствовал созданию шумихи вокруг этого дела, оно не приобрело бы столь широкую известность! Несомненно, вы скажите, что подобное может произойти всюду. Но ведь именно либералы неустанно твердят о правах человека, и именно в этих кругах такие преступления против личности обсуждаются почти с гордостью.
- Для тех, кто полагает, что наши «создатели богатств», любимые дети либерализма, с большим уважением, чем российские олигархи, относятся к прочим гражданам, мне хотелось бы поговорить о дорожно-транспортной ситуации, которой так много уделяется внимания в России. Прежде мы были известны в мире, как аккуратные водители, но не стоит беспокоиться, мы «развиваемся», только не в очень удачном направлении! Статистика свидетельствует, что в дорожно-транспортных происшествиях погибает меньше людей, чем прежде. И это верно, но исключительно благодаря улучшению системы безопасности автомобилей и средств спасения, областей, к счастью, всё ещё достаточно финансируемых. Тем не менее, несмотря на описанную мной выше

небезопасность многих городских кварталов, умереть на дороге под колёсами элегантной дорогой машиной вероятнее, чем быть убитым настоящим бандитом. Не думайте, что водители подобных автомобилей непременно влиятельные партийные боссы, либо олигархи. Вблизи Парижа, при предельно интенсивном движении в наше время есть несколько возможностей создать аварийную ситуацию: вести машину, меняя ряды как в слаломе, запутывать путём предельного сближения транспортных средств, двигаться с крайнего левого ряда наперерез к съезду с шоссе. Такое поведение свойственно водителям дорогих машин. И, наконец, рассерженные отпрыски на BMW порой мстят, если вы им не уступили дорогу достаточно быстро, обгоняя вашу машину и ударяя по тормозам. Похоже, что в их понимании само ваше появление на дороге – наглость. Радары, замеряющие скорость не могут существенно повлиять на ситуацию, так как машина на скорости 130 км/ч развлекающаяся слаломом между потоками, движущимися с 60 км/ч, представляет большую опасность. Чувство собственной значимости, ощущаемое подобными водителями, в достаточной мере служит для них самих оправданием их действий. Прочие могут и не существовать вовсе. Прекрасный пример закинутой однажды в общество идеи «уверенности в себе», столь модной среди молодых «честолюбивых», «белых и пушистых» либералов. Говоря об опасном поведении на дорогах, хочу заметить для российских поклонников либерализма. Когда я вижу на российских телеканалах рекламу престижных автомобилей, я говорю себе, что подобное можно показывать по телевизору, только потому, что в Думе заседает уже слишком много тайных либералов. Рекламный персонаж – сноб, крутящий баранку, поворачивает боковым скольжением прямо посреди оживлённого городского перекрёстка. Сцена, снятая с замедлением, больше подходит для детективного фильма, чем для достойной рекламы. Не ждите ничего хорошего ни от либералов, ни их друзей - специалистов по ценным бумагам и «распилам», выдающих себя за патриотов, вроде Навального.

- Впрочем, пришла пора поговорить о рекламе и рассказать, как именно она менялась. Тридцать лет тому назад наша реклама была глупа, но вполне невинна. Многие смеялись над ней. Она была вполне безопасна, не выходила за рамки предполагаемых задач, т.е. привлечь внимание потенциальных покупателей к вероятно полезному для них продукту. Несомненно, реклама старалась создать впечатление, что данный продукт необходим более, чем это было на самом деле. Но сегодня этот метод стимулирования потребления устарел. Как прагматичные профессионалы, рекламщики адаптируются к так называемым «ценностям», этому варианту современного гедонизма, продукту либеральной идеологии, требующей постоянного «увеличения и нарастания». Единственная возможность вынудить семью влезть в долги для приобретения малозначимых для жизни вещей – это заставить думать, что обладание данными объектами позволит им измениться и приобрести вес в своих же глазах. Несомненно, что именно эта задача ставится перед производителями рекламы предметов роскоши (или тем, которые должны сойти за них), где без стеснения, желание богатства соединяется с демонстрацией сексуального возбуждения. Несколько лет тому назад, глянецовые женские журналы рассуждали без всяких комплексов о «шикарном порно», ставшим модным в рекламе духов, драгоценностей и других подобных продуктов. Появились сцены, намекающие на садомазохистские отношения и прочие извращения. Обнажённые женщины в состоянии сексуальной экзальтации стали основными персонажами рекламы духов или бижутерии, а также продуктов, не имеющих с ними ничего общего. Реклама, рассчитанная на молодёжь, не столь озабоченна сексуальной стимуляцией (для этого и видео в свободном доступе достаточно). Она нацелена на популяризацию различных гаджетов и бессмысленных абонентских услуг, расходы по которым способны спустить в трубу месячный семейный бюджет. Основная идея – не быть «отсталым», а значит нужно смотреть телевизор на телефоне, скачивать песни и музыку для звонков по безумным ценам, повсюду и всегда, хотя бы и в туалете, но быть в сети, голосовать, кто

завтра будет участвовать в реалити-шоу: этот в татуировках, или эта с силиконовой грудью. Некоторые либералы считают, что подобный метод, «отупения» молодёжи - пропаганда ничтожных ценностей, свойственен авторитарным режимам. Если это так, то выходит, что западные европейцы живут в условиях тоталитарных, а не либеральных. Наши самозваные интеллектуалы, об этом не говорят, а ищут проблемы там, где их нет, стараясь заставить нас позабыть реальные. Хотя реальность не такая уж загадка: оболваненное население быстро впадает в тоску без постоянных и так помогающих от скуки покупок совершенно ненужных вещей, так как мы уже не в состоянии занять себя чем-нибудь другим. Кроме того, либерализм научил родителей быть послушными своим детям. Чтобы заставить родителей тратить всё больше и больше следует влиять на детей. Энергия направлена на молодёжь. Модная элита демонстрирует, что будет нравиться публике. Престижными становятся самая отвратительная одежда, самого дурного вкуса, продаваемая по безумным ценам, особенно по сравнению со стоимостью производства в странах «делокализованного рабства». Мы видим на улицах не по фигуре сшитые штаны, выставляющие на обозрение трусы или стринги, блузки покроя «мешок с картошкой», бандитские майки с капюшонами для прикрытия лиц... . Подобными методами достигается обезличивание: молодёжь всё больше и больше в массе похожа, на гопников, но цена одежды предполагает «престижность»... . Не думайте, что, если либералы в России придут к власти, то реклама и мода в России будет лучше. Возможно, она станет ещё хуже. С претензиями на артистичность и ангажированность, она может полностью выйти из-под влияния хоть каких-то моральных норм, как это уже демонстрирует современное искусство. Любые, даже жестокие изображения, станут лишь поводом для привлечения внимания.

- Что же происходит с молодёжью в такой ситуации? С образованием? Вот любимая тема для страстных дискуссий различных французских политических партий, где они как бы защищают разные подходы. Сегодня невозможно более скрывать, что уровень образования серьёзно снизился. С этим согласны все, кроме нескольких неумолимых мечтателей, но указываемые причины различаются согласно партийным тенденциям. Те либералы, которые называют себя левыми, заявляют, что причина в снижении количества учителей во времена правления правых, хотя бы и количество учеников в классе никогда не повышалось. Правые либералы, заявляют, что объявленные реформы, так и оставшиеся туманными, никогда не были закончены из-за происков левых. Как решение проблемы предлагается уже знакомая нам раздача товаров. В данном случае компьютер каждому ученику и установка тактильных досок в классах, где они и недели не продержаться. Естественно, что реальная причина падения уровня образования никак со всем этим не связана. Нам следует рассмотреть нерушимую либеральную догму, приверженцами которой издавна были французские левые, догму «равенства шансов». Естественно, нет ничего дурного в том, что каждый ребёнок имеет возможность справедливой беспристрастной оценки за выполненную работу. Но выражение обманчиво. Здесь «равенство» имеет полный смысл, т.е. равная оценка даётся всем, и тому, кто старательно учился и одарён, и тому, кто и вовсе не трудился и глуп. Это обескураживает, но подобный метод применяется уже тридцать лет. Стоит отметить, что советская система образования хотя бы давала шанс тем детям, которые готовы были учиться, всем, не взирая на их социальное происхождение. В нашей государственной школе в классах собирается такое количество лодырей, или попросту недостаточно способных детей, что талантливым ученикам там нечего делать. Делокализация рабочих мест умножила уровень безработицы среди молодёжи. Единственное решение – как можно дольше держать всех в школьном классе, обещая в конце пути диплом без всяких усилий. Не стоит ожидать, от заикленных на определённой доктрине политиков глубокого анализа ситуации. Для них всё просто, если работа для людей с низким уровнем образования делокализована из страны – нужно дать дипломы выше уровнем

всем. И не стоит мучиться, чтобы требуемый уровень действительно был достигнут. Вы, вероятно, уже догадались какой побочный эффект на работодателей оказало обесценивание дипломов? Теперь они требуют диплом уровнем выше. Так мы попали в порочный круг. Молодых людей приучают к жизни без усилий, для учёбы достаточно простого присутствия на уроке. По окончании школы даже наиболее мотивированным сложно чего-либо добиться. Единственная возможность (для родителей с достатком) – помещение детей в частную школу, где ещё есть нормальные условия для учёбы, к примеру, физическая возможность услышать объяснения учителя. А также присутствовать на уроках без конфликтов или нападений со стороны одноклассников, которые всё чаще случаются в государственных школах. Вот парадокс: под предлогом равенства шансов, наши либеральные политики, правые кивая на левых и наоборот, создали самую несправедливую и антисоциальную систему образования, которую можно придумать.

- Молодёжь не единственная мишень либералов. Начиная 1968 года, будучи всего лишь подстрекателями гражданского противостояния, они уже убеждали наших дам, что именно они за женщин, как будто все прочие мужчины были против. Хотя примеры, что я привёл выше не доказывают, что либералы уважают женщин более, чем другие категории мужчин, определённая часть женского пола прельстилась на речи «прогрессистов», которые были, как вы помните, либералами, называющими себя левыми. После борьбы за оголённость груди на пляже, наделавшей много шума в 70-х и представлявшейся, как символ эмансипации, следовало найти что-нибудь более серьёзное и влиятельное. Вот почему, после некоторых других более или менее абстрактных феминистских идей, появились конкретные предложения, такие как обязательные алименты для разведённой женщины от бывшего мужа, даже при отсутствии детей и развода по вине супруги, или обязательная квота на рабочие места для женщин в профессиях, которые обычно их не очень то привлекают. Последнее, впрочем, оказалось бессмысленно, многие женщины выражают позитивное отношение к подобным квотам, но сами заявляют нежелание выполнять данную работу. Таким образом, логически продвигая данное «право», следует выбирать женщин готовых «пожертвовать собой» ради равенства. Но больше всего в рамках «социального прогресса» говорилось, (да и сегодня это первое о чём вспоминают наивные поклонники непрерывного развития), о возмещении государственным медицинским страхованием расходов на аборт. Для девушек от 15 и старше, желающих «наслаждаться жизнью» потихоньку от родителей, организована выдача в тайне прописанных противозачаточных средств. В то же время, сегодня не компенсируются затраты на некоторые дорогостоящие и необходимые для лечения реальных болезней лекарства, в тщетной надежде уменьшить перерасход фондов государственного медицинского страхования. Я подчёркиваю это противоречие, так как всё ещё встречаются либералы с высокими идеями, которые небезынтересно представлять единым блоком: «Наконец то мы достаточно развиты. Мы за аборт и против смертной казни». Это внутренний парадокс либералов, тех самых, которым нравится подчёркивать, что религиозные представления нерациональны и нелогичны. И сегодня либералы всех мастей не забывают женщин. Сейчас они повторяют на все лады, что женщины получают за ту же работу меньше мужчин. Стоило бы напомнить, что они, эти самые доброты и управляют экономикой и финансами последние три десятка лет. Так в чём же загвоздка? К кому собственно претензии? К мужчинам-управляющим, которые эксплуатируют женщин? Или к женщинам, которые не отказываются от семьи в пользу карьеры, как это делают молодые либералки? Чем дальше, тем труднее что-нибудь понять. Некоторые женщины-либералки высказывают обвинения женщинам-домохозяйкам. Нашим заботливым либералам вместо того, чтобы затевать эти глупые дискуссии, стоило бы озаботиться возвратом во Францию рабочих мест, и не важно кому они будут предназначены, мужчинам или женщинам.

- Наконец, мы переходим к современной теме, которую можно обозначить фразой «защита меньшинств». В терминах либералов «меньшинство» это категория личностей поддающихся или не очень какой-либо классификации, имеющих образ жизни и ценности отличные от традиционных для данной страны. Обычно, сами по себе меньшинства ничем не опасны, но они считают себя более или менее «исключёнными» из общества, т.е. маргиналами. Это кажется логичным, так как они меньшинство по определению, и они в той или иной мере сами отстранились от жизни большинства. Естественно, я не считаю, что нужно их за это преследовать в какой то ни было манере или относиться как-то по-особому. Но либеральным политикам этого недостаточно. Чтобы продемонстрировать свой гуманизм, они показывают, как их волнует судьба меньшинств. И для этого все средства хороши. Например, создать официальный статус для меньшинств поддающихся классификации и откорректировать установившиеся взаимоотношения в обществе. Гомосексуалисты признанные «меньшинства». Нормальные люди считаю, что частная жизнь гомосексуалистов, это только их частная жизнь, и любые их преследования неоправданны. С точки зрения христианского учения, осуждающего гомосексуализм, гомосексуалисты – несчастные грешники и достойны жалости и милосердия и, безусловно, агрессивное отношение любого рода неприемлемо для христиан.

Но подобного здравого отношения либералам недостаточно. Выступления дурного, особенно во Франции, вкуса, такие как « гей-парады», поддерживаемые западными либеральными политиками куда активнее, чем местными гражданами, направлены вовсе не на защиту прав гомосексуалистов жить спокойно. Их целью является общественное признание их взаимоотношений как нормы, т.е. согласия на гомосексуальные браки, семейный статус, а также пропаганда данного образа жизни среди непосвящённых. А это значит уничтожение основ традиционной, и, если позволите, христианской семьи. Сейчас это в процессе. В настоящее время, такие вопросы как: откуда дети в гомосексуальной паре; какие принципиальные изменения произойдут в семейном праве; статус материнства и отцовства биологических родителей – доноров; всерьёз не рассматриваются. Что будет с обществом после нескольких поколений гомосексуалистов произведённых на свет и воспитанных подобным образом? Мы не знаем, но это не важно, важно «развитие». А действительно ли быть гомосексуалистом есть путь к счастью и благополучию? Многие и, видимо, под влиянием пропаганды, думают, что так оно и есть. Но те, кто лично общаются с гомосексуалистами, их близкие, те, кому довелось знать многих, в этом не уверены. А изменения происходят уже сегодня! Ради прогресса! И стоит ли тянуть резину и задумываться о всяких мелочах? Гомосексуалисты не единственное «меньшинство». Каковы же прочие, реже упоминаемые, но всё же ярко выраженные «меньшинства»? В 80-90 гг, левые либералы с целью получения популярности пошли на риск, принимая эмигрантов целыми коммунами этническими и религиозными. Таким образом, в придачу к гомосексуальным появились национальные меньшинства. Не стоит и говорить, что сегодня никто уже не решается на подобную «смесь» в своих выступлениях, так как валить в одну кучу рассуждения о мусульманах ваххабитах и суннитах вместе с нуждами гомосексуалистов – равносильно самоубийству, в прямом и переносном смысле. Кроме того, в продолжение попыток подхалимажа к дамам, некоторые либералы имели глупость называть женщин меньшинствами... Стали ли женщины столь редки в наши дни? Являются ли они маргинальным меньшинством?

- На данном этапе нашей жизни, либералы, как левые, так и правые, уже не поднимают и не обсуждают основные моральные вопросы. Похоже, что для них всё ясно. А нам остаётся рассмотреть, какое место занимают, и какое право на самовыражение имеют современные религиозные институты во Франции, основной из которых - Католическая церковь. Замечу, что не собираюсь ничего говорить об историческом конфликте, разделившим католиков и православных и ставшим базовой причиной современной ситуации на Западе. Мне интересны современные события, краткосрочные в историческом масштабе, даже если в прошлом было много чего достойного обсуждения, и всегда существует возможность повторения прошлых ошибок. Эта возможность – «повторение ошибок прошлого», признается, между прочим, и либералами, хотя это и противоречит «теории прогресса». Также, в целях избежания недомолвок, уточню, что я православный, перешедший из католичества. Но к делу: Имеет ли влияние Католическая церковь во Франции? И шире: Христианские религии всё ещё важны в жизни Западной Европы? Пример Франции, несомненно, самый яркий. Я, вероятно, удивлю вас тем, что социальный подход Римско-католической церкви в теории строже православного, в особенности в части, касающейся брачных отношений. Кроме того, знакомясь с Православием, я был приятно поражён, насколько основные христианские понятия, которые под влиянием либералов всех толков мы почти успели забыть, значимы в нём. Смирение, искреннее раскаяние, и, просто-напросто, Вера без постоянного релятивизма, неуклонно ведущего к сомнениям. Если Православная церковь снисходительнее к нашим слабостям в своей социальной доктрине, она не признаёт сомнений в основополагающих догматах, данных самим Христом. Несомненно, именно они и раздражают либералов больше всего: «Как осмеливаются религиозные авторитеты говорить о добре и зле? Разве это наша привилегия?» Православная церковь не преследует либералов, хотя и осуждает публично. Но разве не в этом заключаются либеральные права? Либералы же решительно настроены на новые гонения на церковь, также как и их предшественники.

В России события развиваются быстрее, чем на Западе. Хотя некоторые считают, что дикий либерализм продолжается, но, похоже, эту фазу вы уже прошли. Прививка от жестокости была сделана и на данный момент сохраняется некий иммунитет. Даже среди оппозиционных политических партий либеральные не самые популярные. Даже коммунист Геннадий Зюганов признал значимость Православной церкви в жизни общества. В таких обстоятельствах самые боеспособные либеральные лидеры – дети мафиозных аморальных грабителей 90 г. – вынуждены искать новые возможности для пассивного согласия общества на постепенную утрату нравственности. С этой целью они пытаются ослабить влияние церкви. Их методы решительнее и агрессивнее, чем в былые годы во Франции. У нас действия были мягкие и потребовали примерно три десятилетия, хотя наиболее внимательные могли бы заметить определённые изменения чуть раньше. И начальные условия были другими. Во Франции Католическая церковь практически постоянно преследовалась. Французская революция, затем закон 1905 года¹ – трудные периоды, потребовавшие много сил и времени на восстановление. Хотя казалось, что положение церкви довольно стабильное; опасность идеологического поражения, в отличие от физического уничтожения, не так то легко заметить. Даже не говоря о теологических выдумках 19 века, некоторых поздних реформах бессмысленных и противоречивых с точки зрения верующих, сверх и после всего этого католическая церковь искала возможность извлечь некую популярность из положений своей социальной доктрины, тех которые хоть чем-то походили на либеральные. Возможно, этим она полагала привлечь общество, постепенно отпадающее от церковной жизни? Но она просчиталась. Именно эти действия заставили меня лично усомниться в искренности веры высших католических иерархов. Такая двойственность, воспитывающая в духе приспособленчества, постепенно убивает веру. К тому же, в наши дни католики всё реже

слышат о Боге. Даже во время проповеди или на курсах катехизиса о нём не говорят. Те верующие, кто благожелательно приняли новое направление, в конце концов, были разочарованы в церкви, до такой степени, что усомнились в собственной вере. Я лично пережил подобное. Но и этого оказалось мало. При установившемся образе мысли, который мы можем назвать либеральным, уже неудивительно, что священники и епископы, позволяют себе некие «вольности»: благословляют гомосексуальные союзы (при этом разведённые люди, живущие в новом браке навсегда отлучаются от причастия), пропагандируют среди молодёжи идеи, о том что христианский образ жизни может и должен подчиняться представлениям о «толерантности», либеральное слово, которое я подробно пока не рассматривал. В лексикон левых либералов слово «толерантность» вошло в 80 гг., обозначая не столько обычное уважение к окружающим, даже, если они чем-то отличаются от нас, сколько приятие без разбору гигантского количества отклонений от принятых законов и морали. Как водится, либералам важен прогресс, и они «прогрессируют» без оглядки. Обсуждая так называемые «меньшинства», ими могли быть, например, безработные, они не забывали и преступников, так всех мазали одной краской и под одним названием «исключённых из общества». Это не только оскорбительно для безработных, но и наглядно демонстрирует приспособленчество либералов и извращённость смысла термина «толерантность». Это слово постепенно приобрело значение: «терпимость к правонарушениям и беззакониям». Таким образом, основы христианства: призыв грешников к покаянию и прощение грехов раскаявшимся, а также необходимость милосердия – были, по сути, фальсифицированы. Теперь мы слышим об отношении к нарушениям и беззакониям, как к совершенно нормальному поведению. Либерализм успешно вывернул и приспособил традиционно-христианские моральные правила. Понимая это, порой жутко становится, не наступит ли Конец света? Напомню, что в час, когда придёт Зверь, Добро будут называть Злом, а Зло – Добром...

Вернёмся к демагогическому употреблению слова «толерантность». Сегодня либералы осторожнее в его использовании, так как чувствуют сопротивление мусульманских вахабитских и суннитских коммун, нетерпящих толерантности в любом виде, даже в самом традиционном. Что же наша церковь, ставшая толерантной? Хотя и не она была инициатором либеральных процессов (как полагают, возможно, некоторые россияне), католическая церковь во Франции сама себя разрушила, вовлекая большую часть верующих в сомнения, подменяя религиозные практики единственной и постоянной заботой о социальном неравенстве. Логическим продолжением этого является идея построения Рая на земле – идея абсолютно противная первоначальному Христианству. Церковь вовсе не даёт объяснений, как именно каждый христианин может способствовать социальной справедливости, что имело бы ещё какой-то смысл. Забота выражается в постоянном повторении в проповедях сладко-туманной программы либералов левого толка. Появляются неолиберальные молитвы - просьбы завершения кризиса в зоне евро... Парадоксально, но многие епископы часто высказываются по второстепенным проблемам современности не имеющим никакого отношения к религии, но никогда не осмеливаются усомниться в неолиберальной глобализации или её последствиях. На эту тему полное молчание, ни общего протеста, ни по личной инициативе кого-нибудь из служителей культа. Тем временем, множество христианских или общерелигиозных понятий, таких как милосердие или материализм, потеряли большую часть смысла. Люди смутно помнят, что не следует иметь слишком много денег, нужно давать их бедным. Но в то же время, они постоянно слышат, что бедные это нелегальные эмигранты. Слово «материализм» сегодня просто означает «желание избыточного комфорта». Что, впрочем, доказывает, что мы действительно стали материалистами. Множеству верующих уже не приходит в голову, что их действия и их заботы земные могут быть ведомы чем-то иным, более значимым, чем простое желание практического немедленного результата здесь и сейчас. А когда в церкви вера принимает такие формы, это значит, что Веры уже нет. «Верить?»

Зачем это нужно?», - воскликнут либералы. Вы считаете, что не к чему? Тогда не стоит рассчитывать, что коллективизм и общественная справедливость возникнут сами, после прочтения Прав человека. Когда возросшая до предела личная гордыня сливается с неограниченным эгоизмом, что может побудить заботиться о бедных, или хотя бы о тех, кто себя выдаёт за таковых? Разве все мы святые? Впрочем, либералы и не думают о коллективизме, а прославляют антихристианскую ценность – гордыню. «Уверенность в себе», «умение себя продать», «личное развитие», способность «выделиться из массы» - вот тошнотворные формулы, преподаваемые молодым безработным, на государственных курсах повышения квалификации и профессионализации. Так продвигается в массы идеи институтов типа Карнеги, и, в целом, доминирующего сознания либералов всех направлений. Это ещё один парадокс и прямое противопоставление христианским ценностям! Представляясь защитниками меньшинств, будучи сторонниками крайней «уравниловки» с целью соответствия Правам человека, либералы пестуют в нас желание «выделиться» и оно считается просто необходимым. На практике это значит – успех любой ценой, пройдя по головам. Я не преувеличиваю. Когда говорят, что нужно «выделиться из массы» и «стать уверенным в себе» для того, чтобы найти работу и преуспеть материально, то очевидно, что «масса» останется не у дел. Эти люди столь заурядны, что ими можно пренебречь, не зависимо ни от их желаний, ни от способностей к работе. Либералы правого толка, скажут: «Так им и надо». Те, что слева, предложат дать им пособие. Придел мечтаний этой части общества, которую, как в насмешку, с малых лет учили только лени и безудержному престижному потреблению. Понадеемся, что их вполне понятное разочарование в жизни не обратится против более успешных соотечественников, но побудит желание серьёзно разобраться в проблеме. В любом случае, это будет непросто. Уверенно можно сказать только одно: либерализм и отказ от веры не приведут к Раю на Земле!

- Значит ли всё вышеизложенное, что на социальную жизнь Франции никакие ни религиозные, ни моральные авторитеты не оказывают никакого влияния? Напрямую на социальную жизнь нет, нет таких сил, но на политическом уровне, пожалуй, да. Не думайте, что речь идёт о христианской или какой-то деистской церкви. Нельзя также утверждать, что общество это абсолютно неизвестно, так как оно выражает себе публично, даёт указания правительствам с телевизионных экранов. И более того, мы видим публикации в журналах, в отчётах частных конференций, большая часть кандидатов на президентских выборах, следуют его советам. Двадцать лет назад, эта деятельность держалась в секрете. Сейчас, вероятно, общественное мнение подготовлено, и продолжать скрывать данное влияние посчитали неразумным. Так «Великий Восток Франции», организация являющаяся вовсе не восточной церковью, а масонской ложей, стала неким моральным эталоном, заняв место Католической церкви. Естественно, основы её были заложены философией просвещения, во Франции уважаемой одновременно и либералами, и коммунистами. Французские коммунисты, в противовес КПРФ, продолжают заявлять антирелигиозную позицию. Масонские идеи, выработанные и сохранявшиеся в тайне, сегодня полностью совпадают с общепринятой точкой зрения. И речь идёт не только о политических и социальных стандартах, но также об общем состоянии духа её членов – «посвящённых», которые сами «прогрессируют», чтобы самим достичь «высокого уровня сознания» и стать достойными распоряжаться нашими судьбами и благами. Ложа провозглашает либеральную доктрину, в данном случае слово «либеральный» использовано по-французски. В том смысле, который знаком россиянам и который я истолковал в начале статьи. Так, что не беспокойтесь: Главный Магистр «Великого Востока Франции» Ги Арсизе (Guy Arcizet) присматривает и за нами, и за нашими правителями. Они не посмеют пропагандировать католическую или любую другую христианскую церковь. Бывший президент Николя Саркози, однажды открыто присутствовал на католической службе и поэтому на себе испытал «гнев» магистра.

Значит ли это, что влияние ложи больше, чем мы думает? Да, похоже, что речь идёт не только о ностальгических церемониях поклонников Французской революции. Франкмасоны широко известны, как некий клуб аферистов, влияющих на политику посредством коррупции с целью извлечения личной выгоды. Но дело этим не ограничивается. Боясь возвращения к религиозному сознанию и всего, что может за этим последовать, общественное мнение признаёт их влияние. Действительно, сейчас нас пугают, что отказ от полнейшей и всевластной светскости обязывает нас уступить соответствующее место суннитскому исламу, нынче вытесняемому вахабитским с его более или менее открытой программой шариата. Вы думаете, что я преувеличиваю? Способны ли большинство крещёных неверующих католиков противостоять меньшинству убеждённых фундаменталистов, готовых на всё для упрочнения своего положения в стране? Стоит напомнить, что если некоторые из направлений мусульманства, такие как сунниты и шииты готовы мириться с существованием христиан, при условии их полного подчинения, то они не признают самой возможности жизни атеистов. Это завет пророка. Вынужденную терпимость следует проявлять только, когда мусульмане всё ещё остаются в меньшинстве. Как поступят наши либеральные обольстители «меньшинств»? Должно быть, им уже страшно. Думаю, что скоро это станет очевидно. В настоящее время, они продолжают развлекать всех возможных потенциальных бунтовщиков благами «прогресса» и социальной справедливости, совершенно невозможной в рамках их глобализации, этой новой догмы представляемой как некий гуманитарный проект. Догма ставшая ещё одной оппозицией христианству: современная Вавилонская башня.ⁱⁱ Всё вышесказанное, даёт ясное представление, почему либералы так агрессивно настроены против православной церкви. Ведь она по всем статьям противница их доктрине. Компании клеветы и оскорблений в отношении Православной церкви, организованные различными маргинальными группами, а также постыдные иконоборческие псевдо-художественные выставки, признаются, а порой и открыто поддерживаются никого и ничего не уважающими, под предлогом борьбы с действующей властью, либералами. Таким образом, идёт борьба без пощады и без «толерантности».

Возвращаясь к Франции, опыт нам показывает, что нация без Веры, без признанных, безусловных святынь, без доверия к Церкви, не может достичь благополучия, даже земного. Либеральные «ценности», сравнимые с былым язычеством, ведут нас к гибели. И это не впервые в истории. Впрочем, любые попытки борьбы без христианской веры приводят к тираниям и уничтожению собственных народов. Сегодня, именно народы Востока остаются хранителями христианства. Не упустите этот шанс. Согласитесь, что Евангелие, созданное две тысячи лет назад, кроме всего прочего, содержит достаточно мудрости, чтобы указать нам путь к гармонии в социальной жизни и в отношениях с природой, сегодня, и уже на этом Свете. Евангельские заповеди и церковь сами по себе основа веры. А то или иное утверждение, либо действие того или другого священника, которые вы видели или слышали и которые, возможно, вам не понравились, стоит ли об этом думать? Не упустите возможность опереться на Православие. А в ответ на обычную самокритику россиян, хочу сказать: Не думайте, что ваш народ развратнее или более коррумпирован, чем наш. И, даже, если бы это было так, это не может быть оправданием вашей пассивности. Да, сегодня есть взяточники, алкоголики, воры, но не думайте, что либерализм их изменит к лучшему. Напротив, у них пропадёт всякое чувство вины. Рассказать грешнику о спасительности раскаяния, разумнее, чем распалать его гордыню.

Отношение французского народа к либерализму

Основная причина популярности либерализма среди западных европейцев, заключается в том, что большинство из них не знает, ни что они либералы, ни что они либералы по принуждению. Во-первых, как я уже говорил прежде, в нескольких странах, и в том числе во Франции, либеральные идеи были распределены между двумя политическими группами и теперь люди верят, что есть существенная разница между правыми и левыми. Когда неолиберальная глобализация была ещё на подходе, левые выставляли себя как партию идеологических прогрессистов в социальном, но не в экономическом плане, немного в стиле умеренных коммунистов, а правые не принимали эту идеологию, но высказывались за либерализацию национальной экономики. Последнее дало значение слову «либеральный» в том смысле, как оно всё ещё многими понимается во Франции. Это разумная идея независимой рыночной экономики (хотя и несовершенной, как всё в этом мире), не стала, тем не менее, образцом либеральной экономики дня сегодняшнего. Таким образом, в разговорах с французами русскоязычному собеседнику слово «либеральный» лучше не использовать, если эти французы не прониклись российским политическим дискурсом. Вы друг друга не поймёте, оставаясь в иллюзии полного согласия, или под впечатлением, что собеседник, высказываясь абсолютно нелогично и, следовательно, глуп. Во Франции те, которые претендуют быть либералами, и те, кто называют себя антилибералами, спорят, воображая, что в их идеях есть фундаментальные различия, когда в основном они схожи. Сегодня все самые влиятельные политические лидеры - либералы, а также неолибералы, антисуверенисты, антипартиоты, а часто и антиклерикалы. Конечно, многие французы подозревают, что всё это не сулит ничего хорошего. Но они легко теряют здравый смысл, запутываясь в пустопорожних фразах, вроде: «Организация городской структуры была плохо продумана, вследствие этого общение между горожанами затруднено, поэтому они склонны к противоправным действиям. Местные ассоциации недостаточно финансируются государством. Жилые дома слишком большие и некрасивые. Левые либералы не были у власти слишком долго. Следует провести реформы». И ещё много-много подобных рассуждений, ничтожных по смыслу, но почему-то у нас над этим никто не осмеливается насмехаться. Но не стоит отчаиваться, здравый смысл кое-где сохранился. Остаются ещё люди противящиеся упадку и отрицающие общество потребления, последовательнее левых либералов. Но здесь могут возникнуть другие сложности.

Антилиберальная позиция может быть атеистической. У вас был случай познакомиться с этим направлением на деле, на протяжении 70 лет, включая 30 лет физического террора. Те из вас кто постарше не нуждаются в дополнительных объяснениях. Французы уже совершенно забыли свой террор 200 летней давности, что, вероятно, объясняет рост популярности крайне левого движения «троцкистов» и нового политического объединения «Левый фронт». Последние - выходцы из французской коммунистической партии (политические взгляды суровее, чем у КПРФ) под управление Жан-Люка Меланшона. Кто он марксист или второй Ильич? Не уверен, так как некоторые несоответствия его программы с его же заявлениями, показывают, что он, скорее всего, обманщик, хотя мне не разобрать, когда он врёт, а когда говорит правду. Он, как и франкмасоны причисляет себя к последователям просветителей, также глубоко антирелигиозен, при этом сторонник национального коммунизма, но без реального протекционизма, а также активно приглашает в страну эмигрантов всех мастей, объявляя, что все нелегалы получают документы и социальный статус. Он заявляет, что сталинский репрессий никогда не было. Это невозможная смесь заставляет задуматься, не повторится ли у нас ваша история. Если повториться, то по вине либералов ныне ведущих

нас на всех порах прямо в стену антилиберальную и атеистическую. Нельзя забывать, что большевистская революция произошла в контексте тяжёлой социальной ситуации, именно в то время когда церковь потеряла духовное влияние и силу, будучи включенной в государственную структуру, в качестве одной из административных ветвей. А задолго до революции Екатерина II, та самая, что состояла в переписке со столь прославленными французскими философами просвещения и внесла свой немалый вклад в дело разрушение православия в России. Она же дала немислимые прежде права дворянам распоряжаться крестьянами как скотом. Был ли это преждевременный либерализм? В тот же просветительский период на Западе, крупные компании имели право привозить рабов из колоний для работы на фабриках без каких-либо ограничений. Сегодня эта практика изменилась, но не исчезла. Нет принудительно угоняемых и отправляемых в другую часть света, работа ведётся прямо на местах с согласия местных правительств, с которыми мультинациональные корпорации сотрудничают в рамках либеральной торговли. Таким образом, ответственность размыта. Все наши партии, политически корректные и либеральные поддерживают эту практику, убеждая нас, что столь важная «покупательная способность» снизится, если мы должны будем покупать продукцию, произведённую в нормальных условиях, при достойной оплате труда. Краткосрочные решения всегда соблазнительны. Так мы видим, что либералы, как и антилибералы, материалисты, атеисты, оппозиционеры солидарны именно в отношении этой несправедливой и безнадёжной политики. Лидеры лживы, а голосующие за них сами рады обманываться.

Рассмотрим, возможно ли, действовать исключительно на политическом уровне, без желания борьбы с религией, просто не принимая её во внимание, но понимая, необходимость экономического «возвращения вспять». Кажется, неплохое решение. Его можно попытаться применить и довести до определённого результата. Существуют суверенисты в Западной Европе, выступающие за ограниченный государственный контроль экономики, а также несколько течений движения «антипрогрессистов» (т.е. противников постоянного экономического развития). В сегодняшней России антипрогрессизм не может быть ни целью, ни приоритетом. Я бы сказал, что на настоящий момент он неактуален. Тем не менее, в возможностях государства уменьшить влияние экономического роста или спада на уровень жизни населения. И это универсальный и единственный способ достичь социальной справедливости. Здесь нет места жульничеству, как в случае с неолиберализмом, который быстро производит благоприятное впечатление, увеличивая покупательную способность, методом эксплуатации населения другой части света, а также, используя доходы не от реальной работы, но от финансовых манипуляций. Национальная экономика должна прибегнуть к нескольким реформам, реализуемым под контролем государства: экономический протекционизм, адаптированный к уровню развития производства в стране; запрет на передачу контроля над национальными компаниями мультинациональным корпорациям и третьим странам; ограничение уровня процентной ставки по займам уровнем максимальной кредитной ставки; сохранение как минимум одного государственного банка для регулировки банковского рынка; и, наконец, (единственная толковая марксистская идея), обложение значительно более высоким налогом доход на капитал, чем на труд.

Овчинка стоит выделки, так как приобретённое благосостояние будет прочным и долговременным. Это не похоже на либерализм, невозможно привлечь избирателей немедленными результатами. По известной пословице: тише едешь – дальше будешь. Что до последователей «антипрогресса», они терпеливее суверенистов. Но множество из них убаюкивают себя идеалистическими представлениями, воображая, как и многие другие политики, что человек сам по себе безупречен. Здесь конечно, пришла пора вспомнить альтермондиалистов. Естественно, услышав об этой общепланетарной всеобъемлющей доктрине мира без наций, ведущей к раю на Земле, думаешь о плохом. Так, продолжая поиски, мы забредаем в сторону левых экстремистов, от которых ничего не стоит ждать хорошего. Получается что, во всех смыслах, суверенисты единственные представляют разумную альтернативу, даже, если воображаемый суверенистский режим без церкви и морали становится коррумпированным, несправедливым и непоследовательным. В этом случае стоит различать: проблема это коррупция и отсутствие морали, а не суверенистская политика. Учитывая всё вышесказанное, можно прийти к выводу, что Россия ближе к выходу из социально-экономического тупика, чем Западная Европа. Уверен, что многие россияне со мной не согласны. В России не всё в порядке, но если автомобиль сломался на дороге, мы ведь не заменяем его катером, а просто ремонтируем. Это единственно возможное решение, даже если ремонт сложен. Впрочем, я считаю, что законно протестовать, если избирательные права были нарушены, но бессмысленно вслед за тем, призывать к свержению тот режим, который даже за вычетом всех приписанных голосов был бы легитимно избран, аргументируя тем, что он недостаточно либерален. Странный вираж интеллектуальной бесчестности получается. Хочу заметить также, что слишком легковесно представлять, что единственный человек, наделённый властью, своевольно способен решать, каков должен быть уровень коррупции в стране, даже, если бы ему это очень захотелось. Если многочисленные факты коррупции сегодня стали известны, так только потому, что повсюду и все пишут об этом, тогда как в 90-е гг. пресса поддерживала в гражданах иллюзии, а Интернета ещё не было.

Политика не единственная область, нуждающаяся в анализе, при обсуждении данной проблемы. Вопрос религии. Язычники-националисты, например, приводят общество к ужасам, как история уже нам показала в случае с нацизмом, элита которого частично опиралась на демонические экзотерические теории. Мы не можем, поменять общество просто методом смены политического режима, такие попытки опасны. Если люди сами не изменятся, даже в идеальных условиях, чего-нибудь дурное да случиться. Есть ещё люди, понимающие это. Не берусь утверждать, что они все признают необходимость именно христианской веры, но они соглашаются на необходимость некой «духовности» способной противостоять тотальному материализму. Нужно помнить, что привычка ожидать немедленный результат от действий и готовность именно к такому образу жизни, незаметно настраивает ум воспринимать всё вокруг как продукт или сервис. Духовность созданная, в ментальности человеческой должна приносить как курс лечения незамедлительное и материальное благо. Так, сегодня растут как грибы различные секты и группы для достижения гармонии, счастья, благополучия. Все они паразитируют на гордыне и тщеславии, столь необходимых для жизненных достижений качеств. Приятие воли Божьей со смирением кажется неким атавизмом. В связи с этим, не удивительно, столь широкое распространение на Западе также различных буддийских практик, с единственным условием, конечно, чтобы они не были слишком утомительны. В том же русле практикуется, всё что называют «личным развитием», что помогает продвижению адептов к необходимому «уровню», как саентологи или другие движения. В России они не приобрели популярности. Кстати, в одном из отчётов Государственного департамента США я прочитал, что это является «проблемой», видимо для департамента. Лучшее доказательство того, что вы на правильном пути. Что же до Франции, может ещё кто-то вернуться к вере христианской? Ещё

есть немного таких людей. Но не думайте, что они имеют хоть какое-то влияние на окружение, так как их церковь не играет больше той роли, и не имеет того положения, который следовало бы иметь. Таким образом, их слова, также как и политические пристрастия различны. Существуют партия Марин Ле Пен суверенистская, антиглобалистская и относительно спокойно воспринимающая христианство. Но её образ слишком сильно связан с прежним лидером партии, склонным к экстремистским высказываниям. Другая разумная партия суверенистов появилась позже, и ей не удалось завоевать влияние на избирателей, ни стать обсуждаемой в прессе. Не верно думать, что на недавних выборах французы имели больше достойных кандидатов, чем вы в России. Не слушайте сирен, что поют вам о счастье Запада. Наши духовные ценности, похоже, утрачены навсегда, наше материально благополучие продержится ещё недолго, да и то за счёт новых заимствований. Всё это только видимость, так как мы растрачиваем наследство наших детей, в то же время, уничтожая, то, что сами получили от родителей. Одним словом, мы неолибералы. А у вас ещё есть надежда, что Россия не пойдёт по либеральному пути и сохранит свою церковь.

ⁱ Закон о разделении церквей и государства от 9 декабря 1905 г. (фр. Loi du 9 décembre 1905 concernant la séparation des Eglises et de l'Etat)

ⁱⁱ О Вавилонской башне говорится в книге Бытия. Строители – потомки Ноя: «построим себе город и башню, высоту до небес, и сделаем себе имя, прежде, нежели рассеемся по лицу всей земли» Строительству помешал Господь, который «смешал языки» и люди перестали понимать друг друга.